

На тускло освещенных улицах города-крепта часы пробили полночь, отбрасывая жуткую тень на изношенный тротуар.

Одинокая фигура, окутанная ночной тьмой, целеустремленной походкой бродила по пустынным улицам.

Капюшон изорванного и грязного пальто скрывал их черты, а низко надвинутая кепка закрывала лицо от внешнего мира. Они были силуэтом анонимности, едва заметным немногими рассеянными душами, все еще бодрствующими в этот час.

Когда молодая фигура приблизилась к мерцающим неоновым огням магазина «У дома 24», уставший кассир поднял взгляд от прилавка, его взгляд скользнул по невзрачному одеянию фигуры.

«Эх, зачем я вообще вызвался на ночную смену, это так скучно...» — думал кассир-подросток с ужасными прыщами на лице, играя на телефоне, не обращая никакого внимания на покупателя в магазин.

То есть до тех пор, пока фигура не встала перед ним, потянувшись за wybranными предметами. В этот момент их глаза встретились, и по спине кассира пробежала дрожь беспокойства.

Глаза юноши были похожи на две пустоты, окна в мир, лишенный эмоций, как будто жизнь утекла изнутри.

Его первоначальное безразличие превратилось в чистый ужас, инстинктивную реакцию на что-то за пределами его понимания.

Кассир запнулся, его руки дрожали, когда он просматривал товары, избегая нервизирующего взгляда, который, казалось, проникал ему в душу.

Сделка завершилась, фигура отвернулась и ушла, их шаги затихли.

Дверь тихо звякнула и закрылась, оставив кассира в замешательстве и потрясении после их встречи.

Мысли его метались, пытаясь уловить тот необъяснимый ужас, который охватил его, когда он посмотрел в эти безжизненные глаза.

.....

Тем временем загадочный ребенок продолжал свое путешествие по улицам города, похожим на лабиринт.

Выражения лиц тех, мимо кого он проходил, рассказывали свою собственную историю. Местные жители мгновенно узнали эту фигуру, на их лицах отразилась смесь отвращения и страха.

Словно сам воздух был испорчен, люди поспешно разошлись, бросая взгляды с отвращением, проходя мимо.

Тем не менее, ребенок остался незатронутым, его черты лица застыли в тревожной пустоте эмоций, не затронутые суждениями мира.

С каждым шагом ребенок уходил в глубь ночи, загадка, окутанная пеленой анонимности.

Мир вокруг них, казалось, отреагировал на их присутствие тихим хором беспокойства и трепета, эхом разносившимся по их следу.

Хотя ребенок, как будто привыкший ко всему этому, не ныл и не обращал на них внимания...

Но... это не означало, что он совершенно не обращал внимания на свое окружение.

.....

В темных уголках памяти мальчика развернулась история, которая навсегда заклеила ребенка как изгоя среди сердец, знавших его.

Слухи прошлого несли с собой правду, которая просачивалась в души тех, кто сталкивался с ним, правду, которая запечатлела имена «отходы», «мусор» и «Демон» на его хрупком существовании.

Жизнь мальчика началась в том же отряде, с которым ему предстояло пройти жизненные испытания.

С самых первых мгновений его эмоции казались далекими звездами, навсегда разбитыми.

Он был загадкой безразличия, воплощением пустого холста, на котором должны были расцвести чувства.

Когда его родители покинули этот мир, их уход не принес ни слез, ни скорбных криков. Сердце его, если это вообще можно было так назвать, оставалось молчаливым и неподвижным.

В семь лет его мир снова рухнул, но никакие бури горя и печали по-прежнему не потрясли его сущность.

Приют, в котором он его принял, короткая передышка от бездны, был охвачен пламенем, превращая воспоминания и мечты в пепел.

Тем не менее, ребенок шел сквозь дымящиеся руины без тени отчаяния на лице, его сердце не тронуло агония, которая должна была схватить его душу.

Любопытно, что те, кто тянулся к нему на помощь, руководствуясь инстинктом починить сломанное, часто сталкивались с безвременной бедой.

Несчастные случаи, трагедии и необъяснимые события, казалось, преследовали их по стопам, оставляя за собой след опустошения. Присутствие мальчика было загадкой, предвестником несчастья, не поддающегося объяснению.

Но его присутствие внушало не страх; это было что-то более темное, более интуитивное. Люди, которые попадались ему на пути, не отшатнулись от печали по поводу его тяжелого положения; вместо этого они почувствовали непреодолимое отвращение, первобытный инстинкт дистанцироваться от пустоты, которую он, казалось, воплощал.

Они говорили о проклятиях и предзнаменованиях, называя его проклятым ребенком, живым воплощением сломленности, которую следует стереть из существования.

И все же, несмотря на все это, ребенок оставался незатронутым, сосудом, лишенным эмоций.

Его глаза, такие же безжизненные, как всегда, не выдавали ни презрения мира, ни его

собственной изоляции. Не было ни горечи, ни стремления к связи — только абсолютная пустота, существование, определяемое внутренней пустотой.

В ночной тишине, пока ребенок продолжал свой путь, его чувства уловили едва заметное изменение в окружающей его области.

Фигуры, закутанные в черное, маски и одежда сливались с тьмой, их намерения загадочны, но неоспоримы.

Но страх отсутствовал в сердце ребенка; страх был для него чуждой эмоцией, как и все остальные.

По мере того, как он шел, все больше этих теней обретали форму, превращаясь в людей. Люди с лицами, искаженными гневом, отчаянием и опьяняющим ароматом места.

Их глаза впились в него, как кинжалы, а их присутствие излучало злобу, которая должна была вызвать тревогу.

Тем не менее, ребенок остался нетронутым их враждебностью, его взгляд скользил по выражениям их лиц с той же пустой отстраненностью.

Среди них вперед выступила фигура, сжимая в руке оружие, инструмент возмездия, выбранный намеренно.

Это собрание было не собранием доброй воли, а, скорее, собранием горечи и ненависти. Они окружили его, сократив пропасть между жертвой и мучителями, решив его судьбу...

И все же ребенок не дрогнул. Он остановился как вкопанный, наблюдая за их лицами с бесстрастным любопытством.

Их искаженные выражения лиц сбивали его с толку, озадачивая его в мире, где его собственное существование не содержало никаких чувств. Он искал понимания, логики их злонамеренности, но она оставалась неуловимой.

И затем его поразило откровение, правда, как удар молнии. Их гнев был направлен на него, их взгляды прожигали его существо с намерением причинить вред.

В редкий момент ясности он понял, что эта встреча означает конец его жизни. Его собственные безжизненные глаза встретились с горящей яростью в их глазах, и на этот раз в нем зашевелился намек на что-то незнакомое.

Не страх и не гнев, а тихое принятие – безмятежная капитуляция перед неизбежным.

<http://tl.rulate.ru/book/95428/3275398>